

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 146 (462)

30 ОКТЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Дневник Литературной газеты

30

ОКТЯБРЯ

Советский читатель живо и много интересуется жизнью, политическими событиями, экономикой и культурой националистических стран, но этот читатель, можно твердо утверждать, лишь в редких случаях получает в руки литературу о жизни за рубежом.

Конечно, имеются в достаточной мере разносторонние корреспонденции, статьи, обзоры, помещаемые в нашей периодике; имеется ряд отрывочных книг, написанных вполне авторитетными авторами, в которых дается детальный анализ социально-экономического и политического развития той или иной страны или группы стран. Но не об этом речь в литературе идет.

Мы имеем полное основание указать на чрезвычайную скучность художественной литературы, литературы отрывков, книг путешествий по капиталистическим странам, написанных советскими писателями.

Таких книг,— более того, даже отрывков этой тематики,— неизпропорционально мало в сравнении с запросами читателей и глубоким значением этой тематики. То, что есть, то, что появилось за последние годы, за небольшими исключениями не может претендовать на политическую и литературную полноценность.

Слышно да рядом в силу совершенно недостаточного поверхностного знания страны, ее развития, сущности отдельных явлений ее жизни пишутся книги, о которых можно сказать, что написаны они быстро, но, несомненно, плохо. Как часто автор поражает нас при этом неосведомленностью, казалось бы, в самых элементарных вопросах политической и культурной жизни данной страны!

Где отрывки и книги о капиталистических странах наших дней, отмеченные событиями громаднейшего значения, которые достигли бы уровня незабываемых странах Л. Рейнхер? Где отрывки и книги из жизни зарубежного пролетариата, о революционной борьбе его в условиях кровавого фашистского террора?

Да, конечно, кое-что у нас есть. Отрывки об Испании Николина, очерки Кунцера. У нас есть отрывочные очерки И. Эренбурга о Скандинавии, Испании, о Февральских событиях в Австрии. Но ведь... при всей своей «крольчий плодовитости» Эренбург — только лишь один писатель, а сколько писателей бывало за рубежом и сколько и что написали они в результате своих поездок?

Мало и скучно.

ТОЛЬКО ФАКТЫ...

Немецкий писатель Х. жил много лет на Дальнем Востоке. Он был корреспондентом крупной газеты и автором многочисленных книг. Погодя он ездил по городам Китая и Сибири материала. Другую половину города он писал книги и раздавал по стенам фотографии китайских генералов с теплыми автографами.

Когда им были описаны насыщенность китайских кухни и устройство китайских публичных домов, когда им были собраны воспоминания немцев, занимавших Циндао, и воспета культурная работа немецких миссионеров в бывших германских колониях, он почувствовал, что тем не хватает. Кто-то посоветовал ему писать о русской эмиграции. С тех пор писатель Х. с немецкой педантостью каждый вечер посещает белогвардейские бакалеи и лавочки в Пекине, Шанхае, Тяньцзине. Он хороший клиент. Каждый вечер он приглашает к столу новую девицу, угощает ее шампанским и интересует. Девицы скоро поняли, что нужно этому странному клиенту (в этих кругах «наклонности» клиентов изучаются быстро), они установили очередь и заранее готовятся к его визиту.

Утром Х. строчит рассказы, в которых описываются варвары большевики и германские бестии из советского племени графини Ивановых и книжки Власевых, открытых автомром в зеркалах Шанхая.

Х. сейчас на особенно хорошем счету у своего берлинского начальства.

Биография иностранных издателей еще никто не написал. Хотя карьеры многих из них явно застуживают внимание современников. Разве не интересна издательская карьера издателя самого холода парижского «магазина» месть II.

Месяц II. имея на Большом бульваре магазин готового платья.

Казалось бы, какое ему дело до литературы, но месть II. показал, что от конфликта до литературы один шаг. Совсем недавно магазин стал давать в качестве премии каждому купившему:

ПОКАЗ СОВЕТСКОГО ГОРОДА

МОСКВА

МИНСК

МИНСК (наш корр.). Предложение «Литературной газеты» о показе советского города, о создании пикника стихов, посвященных городской тематике, поддержано группой косковских писателей, написавших отклики и в литературных кругах БССР.

Сейчас установлен окончательный план книги и установлен состав ее авторов.

Стихи о Москве прошлого и настоящего будут для сборника поэты И. Сельвинский, П. Васильев, М. Светлов, Я. Смелков, В. Гусев, Демьян Бедный, М. Головинский, Е. Долматовский, Костров (проходчик метро), С. Кирсанов и др. Кроме того в сборнике будут помещены очерки: Л. Никунова «Москва революционная» (о Москве за 17 лет), И. Эренбурга «Москва глазами иностранца» Е. Габриловича «Одни вечера в Москве», Л. Колыболовой «Окрайна, ставшая центром», Д. Столова «Северный вокзал», В. Шкляровского «Идея первый поэзия», Д. Заславского «Депутат», М. Шагинян «Советский студент раньше и теперь», акад. Волгин «Академия наук в Москве», Старостина и Люлько «Спортивные Москвы на страницах Европы», С. Гехта «Записки старожила», бригады в составе Г. Серебряковой, Д. Благого, И. Потемкина, Шторма Я. Черняка «Красная площадь» и «Москва подпольных революционных кружков», К. Зелинского «Москва по справочникам прошлого столетия», очерки директора авторазвода им. Сталина т. Лихачева, В. Катаева, О. Литовского, С. Эйзенштейна, Ф. Коня, Харламова и Туполова (ЦАГИ), Збэрской, д-ра Казакова, проф. Френкеля, С. Пронофьева и т. д.

Москве как центру мировой коммунистической науки будет посвящена статья К. Радека.

Я видел, как агонизировала Бухара-и-Шариф — святая Бухара. За городские ворота уходили начетчики, ишаки и превосходнейшие «домулы», трусила на ишаках бывшая эмирская чета, в туго набитых перегородках сумах спасали свой скартогород и предпримчивые караваищики. Двери их оставались открытыми настежь.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

ГАФУР ГУЛЯМ

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопкозавод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индустриальный центр — шелкоткацка, швейная фабрика, хлопко завод.

Я видел, как старый Ташкент — цитадель колонизаторов, хлопковых ногогонцов и ростовщиков — преобразовывалась в столицу социалистического Узбекистана.

Мени давно увлекают темы социалистического города. Я работаю над циклом стихов «Ташкент». С радостью принимаю предложение Гусева перевести на русский язык мои стихи. Отбираю лучшее, отрабатываю.

Я видел, как агонизировала индуст

РЕДАКТОРСКИЙ КАРАНДАШ ОТСУТСТВУЕТ

НОВАЯ КНИГА О ТУРГЕНЕВЕ

Выпущенный ленинградским отделением Комакадемии тургеневский сборник¹ является продолжением работы, начатой во время юбилея Тургенева. Собранные в нем статьи тематически охватывают основные моменты творческой биографии писателя. В целом они стремятся выяснить классовый облик и идеальные основы мировоззрения Тургенева. Однако уже при белом просмотре бросается в глаза некоторые существенные недостатки, которые позволяют говорить об известной незаконченности и недородимости этого в общем интересного и нужного издания.

Сам безымянный редактор вынужден отметить в предисловии, что в сборнике «не даёт исчерпывающий анализа специфики художественного творчества, в частности недостаток анализа богатства тургеневского языка» (стр. 4). Выраженное, конечно, в сборнике полностью отсутствует и то и другое.

В большинстве статей Тургенев берется отрывисто из его литературного окружения, обособленно от литературной борьбы своего времени, которая была отражением и выражением борьбы классов. Между тем очевидно, что только в контексте современного писателю литературного развития и может быть правильно понять его творчество.

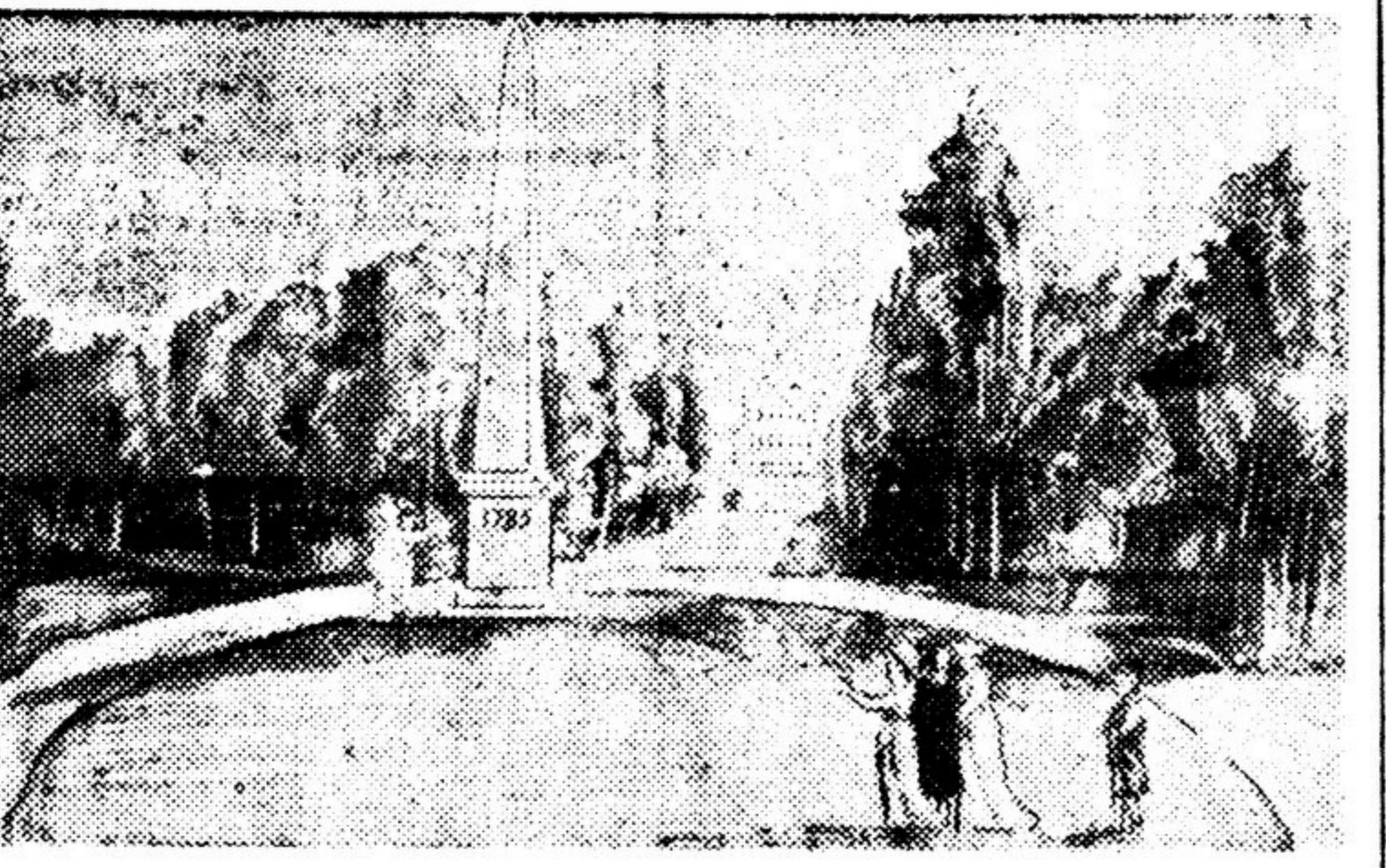
Наконец в сборнике нечувствуется твердого и авторитетного редакторского руководства, которое придало бы единство и целесообразность коллективной работе авторов книги, не чувствуется и просто редакторского карандаша, который мог бы устранить не только излишние повторения и странные разоглашения между авторами, а также просто грубые ошибки фактического порядка.

Странное впечатление производят открываящаяся в сборнике статья С. Малахова. Задавшись целью осветить «творческий путь Тургенева», автор ограничивается популярным изложением содержания его романов, причем начинает свой анализ с «Записок охотника» (1846), по неизвестным причинам отсылаясь не только к стихам, поэмам, ранним рассказам, но и к тургеневской драматургии. (В приложении к книге «Хронологическим указателем» работ Тургенева первый рассказ из «Записок охотника» «Хор и Калиныч» значится 105-м «сном»!). Можно ли так характеризовать «творческий путь» художника? Любопытно, что о раннем творчестве Тургенева (исключая драматургию) во всем сборнике вообще не упомянуто ни слова. От руководства, вступительной статьи следовалоожидать гораздо более обстоятельного анализа.

Более удачна вторая статья т. Малахова, содержащая интересный разбор «Отцов и детей». Однако именно здесь отчетливо проявляются последствия игнорирования конкретной общественно-литературной обстановки, окружавшей писателя. Не выходя в своем анализе за пределы самого романа, т. Малахов не понял и не показал обективного смысла появления «Отцов и детей» в послереволюционную эпоху. Явно переоценены образы Базарова, становящиеся по сути лепи на писаревскую точку зрения, т. Малахов утверждает, что Тургенев «умел, оставаясь в основном верным самой действительности, создать «типический характер» (стр. 181). Он углубляет свою ошибку, когда целиком распространяет на Тургенева характеристику Бальзака Энгельсом (стр. 206), ибо очевидно, что Тургенев «ввел людей будущего» совсем не там, где в это время их только можно было видеть, и отрицательно оставил и методы, и людей революционной роли, которая была ясна

Подобная характеристика образа Базарова (несмотря на то, что за неё следуют перечисление отрицательных черт Базарова, порочащих облик подлинного революционера, перечисление не до конца смысла, а противоречивое первое части статьи) никак не вяжется с его объективной антиреволюционной ролью, которая была ясна

¹ И. С. Тургенев, сборник статей (пятидесятилетие со дня смерти), Л. ГИХЛ, 1934, стр. 394, тир. 5250, п. 5, пер. 75 к.

АЛЬБОМ РИСУНКОВ А. Т. БОЛОТОВА.

Государственный Исторический музей приобретен альбом рисунков А. Т. Болотова и его сына Павла. На рисунках изображены различные виды сада в имени гр. Бобринского, соседом которого был А. Т. Болотов. Здесь и «Сцена вечера, представляющая здание вечерней сиделки в нижней части Богоявленского сада», и «Вид рондона и по сторонам онного в избе от дома»; и «Сцена романтическая, представляющая здание при сходе от дома вниз» и многое другое. Всего в альбоме 78 рисунков: 45 из них нарисованы акварелью, остальные представляют наброски, сделанные карандашом. Датированы они 1786 г. Альбом, находившийся в частных руках, до сего времени не был известен. Воспроизведены акварель «Вид обелиска, находящегося в Богоявленском парке в Церериной роще».

и самому автору романа, и чиновникам III Отделения, и органу революционной демократии «Современнику», восглавляемому народничеством его «Новы». В. Буш привлекает суждение Шедрина, Златогорского, Осиповича-Новгородского и др., — это ширит горизонт историко-литературного исследования и помогает глубже понять классовую природу творчества Тургенева.

Статья З. Коган и А. Кравицкой, рисующую взаимоотношения Тургенева с Герценом кругом «Современников», намечает место и роль Тургенева в классовой борьбе 60-х годов в связи с характернейшим эпизодом его разрыва с лагерем революционеров. К сожалению, об автора, опираясь лишь на публицистico-эпистолярные документы, далеко не интересны всех материалов, связанных с этой интереснейшей темой. Так, З. Коган лишь мельком упоминает о том, что в своем «Дыме» Тургенев дал «почти пасквилю на лондонских изгнанников», и ни слова не говорит о статье Герцена «Отымы сказки» («Скрыси»), — достаточно вспомнить «Рапсодии о николаеве» Курочкина, сатиры Минаева, карикатуры Степанова!

Увлекаясь живой и яркой, написанной подлинными художником фишкой Базарова, не следует забывать, что ее идеологическая функция — это умная и тонкая защита дворянского художника позиций своего класса, ее смысл — клевета, разумеется, высокодраматичная клевета, на революционное поколение. Недаром сам Тургенев писал, что «художественное воспроизведение, если оно удалось, зале самой острой сатиры».

В то же время т. Малахов, несомненно, прав, когда делает вывод, что «из всех образов, созданных Тургеневым, именно Базаров является образом наиболее реалистическим» (стр. 206). Это не мешает Т. Ухмылову, автору статьи «Тургенев и крестьянский всплеск», отнести «Записки охотника» к «хронологическому анализу театра Тургенева».

Однако, по мнению А. Давыдовича и Г. Уваровой, посвященная Базарову статья, «всесторонне достоверна и ясна» (стр. 106), — противоречие, наличие которого свидетельствует о полном отсутствии в сборнике обобщающей работы редактора². В работе т. Ухмыловой, в общем правильно обрисованной политические взгляды Тургенева на материале «Записок охотника», легко можно было устранить и неточные формулировки относительно притупления классовой борьбы (стр. 105), которых могут только заставить читателя.

Наиболее интересную часть книги, несомненно, представляют работы И. Векслера и В. Буша, содержащие серьезный и обстоятельный разбор «Дымы» и «Новы», двух романов, характерных для второй половины деятельности Тургенева и выражающих его дальнейшее наступление на лагерь революционной демократии. В статье пожилого В. Буша подчеркнута в сущности единственно в сборнике попытка осветить отношение к «Дому».

Противоречие это далеко не единственное: если, например, И. Векслер убедительно доказывает, что Базаров несет портрет Огарева (стр. 210—214), то, по мнению С. Малахова, «не обязательно видеть в романе «Наталии» писателя, о его реализме, о могучем «языке Тургенева», который так ценил Ленин, паконец, вопрос о значимости творчества великого дворянского художника для нашей молодой литературы».

В. Жданов.

² Противоречие это дало не единственный: если, например, И. Векслер убедительно доказывает, что Базаров несет портрет Огарева (стр. 210—214), то, по мнению С. Малахова, «не обязательно видеть в романе «Наталии» писателя, о его реализме, о могучем «языке Тургенева», который так ценил Ленин, паконец, вопрос о значимости творчества великого дворянского художника для нашей молодой литературы».

И. С. Тургенев, сборник статей (пятидесятилетие со дня смерти), Л. ГИХЛ, 1934, стр. 394, тир. 5250, п. 5, пер. 75 к.

Ос. КОЛЫЧЕВ

Из цикла «Одесское подполье»

ПЕСНЬ О ЗАЖИГАЛКЕ

Память, скрыв с себя сплесы путы,
Отряхнувшись от ржавчины и пыли!
Никогда я в жизни не забуду
Нина Заряшили...

Она стояла на стыке двух трамвайных

линий.

Где толпа шагала:

— «Самый толстый, самый лучший,

самый длинный...»

Камушек для зажигалок!»

Остановились, молча, офицеры,

Пьяные матросы.

Покупали камушек холодно-серый,

Зажигали палироны.

Но когда глубокой ночью из тумана

Офицеры шли вразвалку,

Полную синицы, из заднего кармана,

Доставили он... зажигалку.

И лежал чудак лицом к солнечному

пруже.

Как к последнему болтуно...

«С самым длинным, с самым толстым,

с самым лучшим!»

Камушком для зажигалок.

Огонек от зажигалки расцветал

флакиль —

Белым бабочкам приманка.

Но однажды вместе с камушками, с

зажигалкой

Погибли его в охранку,

И пустым в себя он, сохранив на

случай,

Так как не был жалок...

«Самый длинный, самый толстый, са-

мый лучший!»

Камушек для зажигалок...

САМУИЛ ЗЕХЦЕР

Товарищ Зехцер — Робастер под-
полья —

Над бровью шрам...

Предателей одесского подполья

Он отправлял к отцам...

Зайдет в кафе — голосом пропитый:

— «Идем во двор...

Пустым мешком из-за угла приби-

тий,

Есть разговор!»

Пустым мешком из-за угла приби-

тий,

Покорно шел.

Пустым мешком из-за угла приби-

тий,

Твой шаг тяжел.

В молчании пересекают город,

Как с вором вор.

Мешком прибитый спрашивает: —

— «Скоро...

Начнется разговор?»

На старом еврейском кладбище

Они идут.

Для всичкого разговора — пища

Найдется тут.

Пустым мешком из-за угла приби-

тий —

Среди могил.

Пустым мешком из-за угла приби-

тий —

И Самуил.

Короткий выстрел в тишине клад-

бища —

Весь разговор.

Короткий выстрел в тишине клад-

бища —

Партийный приговор.

Пустым мешком из-за угла приби-

тий —

Лежит ничком.

Пустым мешком из-за угла приби-

тий —

Накрыт мешком.

В. Жданов.

Из цикла

«Одесское подполье»

Из цикла

<

О ВУНДЕРНИНДАХ И ВУНДЕРВЗРОСЛЫХ

Услужливый дурак опаснее врага.

Крылов.

Поопрени столь же необходи-
мым гениальному писателю,
сколь необходимым канифоль
смычку виригозу.

Козьма Прутков.

Говорить о вреде перехваливания стало уже троекратом. Но что же делать, если находятся ответственные люди, находятся издательства, которые издают книги стихов девятнадцати (это не опечатка) авторов с их портретами на обложке.

Такая именно книжка «Стихи Леонида Зальцмана» с портретом автора и десятитиражным вступлением Д. Гликштейна под редакцией Г. Страганова, изданная издательством Азбучник в 1934 г., и лежит передо мной.

Предисловие рассказывает об авторе. Это девяностилетний мальчик, прочитавший «Войну и мир» и «Детство и отрочество», читавший Тургенева, Некрасова, Гончарова, Чехова, Гомера, Гольдина, Шекспира, Вальтера Скотта, Диккенса, Киплинга, Мольера, Джека К. Джерома, Дюма, Гасье, Романа Ролана, Анатоля Франса, Гете, Гейне, Шиллера и других немецких писателей он читал в оригинале.

«Татогение к импровизации», — пишет автор предисловия, — еще очень сильно в Лене. Иногда он часами способен говорить рифмованные фразы, отчего на поминавшие распевши. Так, импровизирует он не только стихи, но и пафосные речи, усиливающие своим широким общественно-политическим кругозором, стихотворные, сатирические спички и т. д.

Очевидно, мы имеем дело с незаурядным ребенком. Впрочем, стихи мало чем отличаются от стихов детей-школьников. Судя по этим, он опровергает свой возраст года на три. Такие стихи — публицистические, маломузикальные строфы еще отсутствуют. Но и пафосные речи, которых почтает сам автор, делают стихи детей большими искусством.

Вот взятые наудачу отрывки из «стихов Лени Зальцмана».

**Тихий безмятежный
Ночью кроткий, нежный
Грелись партызыны
У костра.**

**Рамки офицеры
Наши массы серые.
Таковы беседы
У шатра.**

Другое:

**Пой гудок. Зови нас от постели,
Призывай ударному труду.
Они фабрик солнцем заблестали,
И к станкам рабочие идут.**

Стихи, как можно видеть, обычные детские стихи, которые сопутствуют в редакциях детских газет и журналов. О талантливости ребёнка говорят не стихи, а гораздительный залас знаний, ориентировка в сложных вопросах.

Гораздо лучше, чем стихи, сделала его переводы. Вот отрывок из Гейне:

**В жизни есть много небесного счастья.
И многое можно назвать хорошим:
И юность, и солнце, и розы,
И счастливый даже горошек.**

**Да, горошек для каждого человека
(Я так предвещаю друзьям),
А надо счастливые мы предста-
вим**

Ангелам и воробьям.

Однако, как бы ни был талантлив и развит девяностилетний мальчик, нельзя от него требовать, чтобы он был умнее взрослых своих воспитателей, которые, недавно, собирали стихи, не понимают, какой еред они приянют автору.

Характер творчества мальчика неает еще оснований предрекать ему именно литературную, а не какую-либо другую будущность. Ребенок, не знает стихи, может быть, только пото-

му, что это пока для него самое легкое. Они даются ему легко и привыкли удовлетворение. Он читал великих писателей, он хочет быть таким, как они. Через несколько лет его интересы могут измениться, он будет проявлять свою талантливость в другой области.

Извлекли книгу стихов, горе-вспомнили искусственно задерживающим внимание ребяни на литературном творчестве, причем они или сами ему почувствовать заставах фильмов, а этот застава кружит голову и опьянит, как бы при этом мораль ни читалась.

Вызывают удивление редколлегии научно-педагогической комиссии в составе ряда профессоров, которые между прочим определяют: а) техникой стиха он (Леонид Зальцман) владеет свободно (!) и б) желательно стимулировать его литературное творчество путем печатания его стихотворений.

Этот рецепт для производства гениев литературы написан профессорами: Чобан-Зада, Маковельским, Багрицким, Комаровским, доцентом Меликовым и др.

Допустим, что означенные профессора не обязаны понимать в технике стиха. Но странно, что они не понимают простой с педагогической точки зрения истины: неумеренные одобренные вредят детям, развивают в них агентизм, самовлюбленность и прочие «прекрасные» качества.

Ребенка можно и должно хвалить за труд, который он прилагает к этим способностям, за труд, приложенный к таланту.

Поэтому дети законно получают премии за построенные модели, за хорошую учебу, за физкультурные достижения.

Хорошо это или плохо, но факт остается фактом: в писании стихов дети прилагают минимум труда. Они и не знают, как его прилагать. В этом возрасте еще не понимают различия между хорошими стихами и плохими. Почти всем ребятам кажется, что от их стихов до стихов Пушкина — один шаг. Стихи они пишут, как пишется, играя.

За талантливыми детьми нужно следить, их нужно учить. И на первых порах, вовсе не стихосложения,

Ребят-поэтов нужно учить писать слова. Пусть они пишут заметки, письма, описывают интересные случаи в школе и в отряде, пусть записывают рассказы взрослых. Ни в ком случае не нужно, как это иногда делают, заставлять писать стихи на заданные темы.

Ранняя профессионализация диктует и более взрослых детей.

Александр Максимович Горький в своей статье о «Мальчиках и девочках», щая ребенка, о стихах которого ободряюще отозвался, мурлык и оторжко не называл его именем. Примером Горького, к соглашению, не следуют Гликштейн, Страганов и др., которые, захлебываясь в воссторге от открытых ими вынужденных, причиняют трудно поправимый вред талантливым нашим детям.

Б. Ивантер.

Однако, как бы ни был талантлив и развит девяностилетний мальчик, нельзя от него требовать, чтобы он был умнее взрослых своих воспитателей, которые, недавно, собирали стихи, не понимают, какой еред они приянют автору.

Характер творчества мальчика неает еще оснований предрекать ему именно литературную, а не какую-либо другую будущность. Ребенок, не знает стихи, может быть, только пото-

СПЕЦИФИКА И ШТАМП

Конечно, надо писать советские оперетты. И конечно очень хорошо, что Аудеев написал текст для музыкальной комедии под названием «Как ее зовут?»

Но писать для оперетты не значит писать опереточные шаблонами. Не обязательно, чтобы персонажи были опереточными, чтобы опереточны были ситуации, чтобы герой сплошь был камалубрии и распевал кстати или некстки опереточные куплеты.

Все эти опереточные традиции, за которые очень цепко держится до сих пор наши театры, не только не помогают советскому драматургу, но и усложняют и без того уже неслегкую задачу.

Благодаря! Таточка обольщает Парлесу: «Ах, вы будете счастливы со мною, и буду вам маленькой верной женой!»

Разумеется, музыкальная комедия имеет свою специфику. Драматург, работая над текстом оперетты, не должен забывать, что пьеса его подлежит музыкальному оформлению. Все, что он пишет, должно быть так написано, чтобы композитор получил достаточный импульс к творчеству, то есть специфика и традиции — это не одно и то же. В каждом штампе всегда закодирована какая-то специфическая черта данного жанра, характерная для определенного исторического этапа развития этого жанра, но, чтобы двинуться дальше, необходимо разбить этот штамп и вышибить специфику. Работая штампами, ничего нового не создашь.

А задача не в том, чтобы на мере возможности «опереттировать» традиционную оперетту, а в том, чтобы найти формы советской музыкальной комедии, учитывая всю специфику музыкального спектакля.

Задача, конечно, не легкая. Аудеев — один из немногих писателей, работающих надней на. Было бы досадно, если бы он в своей работе остановился на полу пути.

Луна. Рене тихо дедует ей руку. Она несколько секунд не отнимает. Потом решительно встает, подходит к окну. Пауза.

А там, где нужно охарактеризовать отрицательные персонажи, Аудеев не спешится прямых пародийных эпитетов.

Фотограф Филонов распевает:

Это не шутка,
моя малютка,
я весь горю!
Одну минуточку,
поближе чуточку,
позвольте ручку! (Челует)

Благодаря!

Таточка обольщает Парлесу: «Ах, вы будете счастливы со мною, и буду вам маленькой верной женой!

Разумеется, музыкальная комедия имеет свою специфику. Драматург, работая над текстом оперетты, не должен забывать, что пьеса его подлежит музыкальному оформлению. Все, что он пишет, должно быть так написано, чтобы композитор получил достаточный импульс к творчеству, то есть специфика и традиции — это не одно и то же. В каждом штампе всегда закодирована какая-то специфическая черта данного жанра, характерная для определенного исторического этапа развития этого жанра, но, чтобы двинуться дальше, необходимо разбить этот штамп и вышибить специфику. Работая штампами, ничего нового не создашь.

А задача не в том, чтобы на мере возможности «опереттировать» традиционную оперетту, а в том, чтобы найти формы советской музыкальной комедии, учитывая всю специфику музыкального спектакля.

Задача, конечно, не легкая. Аудеев — один из немногих писателей, работающих надней на. Было бы досадно, если бы он в своей работе остановился на полу пути.

Луна. Рене тихо дедует ей руку. Она несколько секунд не отнимает. Потом решительно встает, подходит к окну. Пауза.

Аудеев — один из немногих писателей, работающих надней на. Было бы досадно, если бы он в своей работе остановился на полу пути.

Луна. Рене тихо дедует ей руку. Она несколько секунд не отнимает. Потом решительно встает, подходит к окну. Пауза.

Фотограф Филонов распевает:

Это не шутка,
моя малютка,
я весь горю!
Одну минуточку,
поближе чуточку,
позвольте ручку! (Челует)

Благодаря!

Таточка обольщает Парлесу: «Ах, вы будете счастливы со мною, и буду вам маленькой верной женой!

Разумеется, музыкальная комедия имеет свою специфику. Драматург, работая над текстом оперетты, не должен забывать, что пьеса его подлежит музыкальному оформлению. Все, что он пишет, должно быть так написано, чтобы композитор получил достаточный импульс к творчеству, то есть специфика и традиции — это не одно и то же. В каждом штампе всегда закодирована какая-то специфическая черта данного жанра, характерная для определенного исторического этапа развития этого жанра, но, чтобы двинуться дальше, необходимо разбить этот штамп и вышибить специфику. Работая штампами, ничего нового не создашь.

Аудеев — один из немногих писателей, работающих надней на. Было бы досадно, если бы он в своей работе остановился на полу пути.

Луна. Рене тихо дедует ей руку. Она несколько секунд не отнимает. Потом решительно встает, подходит к окну. Пауза.

Фотограф Филонов распевает:

Это не шутка,
моя малютка,
я весь горю!
Одну минуточку,
поближе чуточку,
позвольте ручку! (Челует)

Благодаря!

Таточка обольщает Парлесу: «Ах, вы будете счастливы со мною, и буду вам маленькой верной женой!

Разумеется, музыкальная комедия имеет свою специфику. Драматург, работая над текстом оперетты, не должен забывать, что пьеса его подлежит музыкальному оформлению. Все, что он пишет, должно быть так написано, чтобы композитор получил достаточный импульс к творчеству, то есть специфика и традиции — это не одно и то же. В каждом штампе всегда закодирована какая-то специфическая черта данного жанра, характерная для определенного исторического этапа развития этого жанра, но, чтобы двинуться дальше, необходимо разбить этот штамп и вышибить специфику. Работая штампами, ничего нового не создашь.

Аудеев — один из немногих писателей, работающих надней на. Было бы досадно, если бы он в своей работе остановился на полу пути.

Луна. Рене тихо дедует ей руку. Она несколько секунд не отнимает. Потом решительно встает, подходит к окну. Пауза.

Фотограф Филонов распевает:

Это не шутка,
моя малютка,
я весь горю!
Одну минуточку,
поближе чуточку,
позвольте ручку! (Челует)

Благодаря!

Таточка обольщает Парлесу: «Ах, вы будете счастливы со мною, и буду вам маленькой верной женой!

Разумеется, музыкальная комедия имеет свою специфику. Драматург, работая над текстом оперетты, не должен забывать, что пьеса его подлежит музыкальному оформлению. Все, что он пишет, должно быть так написано, чтобы композитор получил достаточный импульс к творчеству, то есть специфика и традиции — это не одно и то же. В каждом штампе всегда закодирована какая-то специфическая черта данного жанра, характерная для определенного исторического этапа развития этого жанра, но, чтобы двинуться дальше, необходимо разбить этот штамп и вышибить специфику. Работая штампами, ничего нового не создашь.

Аудеев — один из немногих писателей, работающих надней на. Было бы досадно, если бы он в своей работе остановился на полу пути.

Луна. Рене тихо дедует ей руку. Она несколько секунд не отнимает. Потом решительно встает, подходит к окну. Пауза.

Фотограф Филонов распевает:

Это не шутка,
моя малютка,
я весь горю!
Одну минуточку,
поближе чуточку,
позвольте ручку! (Челует)

Благодаря!

Таточка обольщает Парлесу: «Ах, вы будете счастливы со мною, и буду вам маленькой верной женой!

Разумеется, музыкальная комедия имеет свою специфику. Драматург, работая над текстом оперетты, не должен забывать, что пьеса его подлежит музыкальному оформлению. Все, что он пишет, должно быть так написано, чтобы композитор получил достаточный импульс к творчеству, то есть специфика и традиции — это не одно и то же. В каждом штампе всегда закодирована какая-то специфическая черта данного жанра, характерная для определенного исторического этапа развития этого жанра, но, чтобы двинуться дальше, необходимо разбить этот штамп и вышибить специфику. Работая штампами, ничего нового не создашь.

Аудеев — один из немногих писателей, работающих надней на. Было бы досадно, если бы он в своей работе остановился на полу пути.

Луна. Рене тихо дедует ей руку. Она несколько секунд не отним

АКАДЕМИЯ НАУК

* С декабря 1934 г. начнет печататься в московском отделении наука Академии наук «Бестник Академии наук». Журнал выходит под редакцией непременного секретаря Академии академика В. П. Волгина и содержит рецензии научных документов, решения президиума и т. п.

* К первенцам советов Ленинских районов Москвы организует районную выставку. Президиум Академии наук СССР поставил принять в ней участие. На выставке будут представлены материалы, характеризующие организацию Академии и деятельность ее учреждений. Лаборатория прикладной фотографии и кинематографии Академии приступила к подбору фотоматериалов о работе Академии в Ленинграде и Москве. Издательство Академии организует на выставке книжные ярмарки.

ПУШКИНСКИЕ ВЕЧЕРА

В текущем сезоне в московских театрах будет показан ряд драматургических произведений Пушкина. В Малом театре в театре им. Мейерхольда будет показан «Борис Годунов», в МХАТ в театре Ленсовета — «Никава дама», в Камерном театре — «Белые ночи», в театре «Роман» — «Цыганы», в Театре для детей — «Сказка о рыбаке и рыбке».

В связи с этим Клуб мастеров искусств решил организовать цикл пушкинских вечеров.

Цикл пушкинских вечеров открывается 1 ноября докладом Д. Благого о творчестве Пушкина. В ближайшие дни последуют доклады С. Дурмышина — «Пушкин драматург», Сценическая история драматургических произведений Пушкина и инсценировки пушкинской прозы», Д. Тальникова — «Взгляды Пушкина на драму и театр», Л. Тимофеева — «О специфике строения в особенностях чтения пушкинских стихов», Е. Браудо — «Пушкин в музыке» и А. Эфрос — «Пушкин в изобразительном искусстве».

Все доклады будут иллюстрированы отрывками и сценами из произведений Пушкина в исполнении В. Качалова, А. Вишневского, М. Прудникова, Е. Натульской, С. Юрина, А. Батурина, В. Яхонтова, А. Шварца и Журавлева.

Художник представлен здесь наиболее характерными для его творчества произведениями. Это — большая часть изображения подростков.

Показ работ художника Чернышева в рабочем клубе нужно рассматривать как положительное явление. Нужно думать, что творческая встреча мастера с рабочим зрителем обогатит последнего.

Мы помещаем репродукции картин: 1. «Пионерка», 2. «Роют сибирскую яму», и 3. «Возвращение с поля».

В клубе им. Авиахима на Ленинградском шоссе Всекохудожник выставлено около 40 работ художника Н. М. Чернышева.

ТВОРЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ХУДОЖНИКОВ

Московский союз советских художников наметил ряд научно-творческих конференций. Во второй половине ноября предполагается провести конференцию, посвященную проблеме концепции, посвященную проблеме советского пейзажа. Основной доклад на конференции прочтут искусствовед Н. М. Шекотов.

Конференция предшествует циклу докладов. Первый доклад на тему «Восточный пейзаж» был прочитан в филиале московского клуба мастеров 26 октября профессором Б. П. Денимом, 29 октября проф. В. В. Алпатов прочтет доклад на тему «Истоки европейского пейзажа». Затем в ноябре проф. Б. Н. Лазарев — на тему «Классический пейзаж XVII в.», проф. Сидоров — «Французский пейзаж XV в.» и проф. Бакунинский — «Русский пейзаж XIX в.».

Примерно в начале декабря намечено престижную вторую творческую конференцию, посвященную проблеме портрета, с докладом О. М. Бескина.

В дальнейшем намечены конференции, посвященные патриотии, этнографии и исторической живописи, композиции и колориту.

К конференциям подготовляются специальные выставки.

Первые две выставки в конференции на пейзаже уже открылись: это — выставка пейзажей художника Б. Яковлева (в клубе мастеров изящных искусств) и выставка пейзажей художника Г. Шегали (в филиале клуба). В дальнейшем будут организованы выставки пейзажей Вадимова, Крымова, Куприна, Белянина.

ВЫСТАВКА П. Н. СТАРОНОСОВА

1 ноября в клубе «Каучук» Всекохудожников открывает большую персональную выставку художника П. Н. Староносова. На выставке, состоящей примерно из 80 работ, будут представлены: гравюра на дереве, линогравюра, акварель и масло.

КНИГИ И АРХИВЫ

ПЕРВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС

Литературный лаком «Международная книга» приобретены три интереснейших географических атласа.

Среди них огромный интерес представляет «Атлас российский», состоящий из 12 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю и охваченных землями, соединенными по правилам географическим новейшим обсерваций, с приложением краткого описания императорской архивной коллекции. Карты империи, старинные и трудами Пушкина и Петраша Ф. Э. Г. Топли.

Письма Батенькова, охватывающие годы 1813—1825, рисуют его жизнь как границей, во время похода русской армии на Париж, «сподвижничество» со Сперанским и службу в Сибири, встречи с Аракчеевым, близость к «Петрбургским Парнасом». Большая вступительная статья А. С. Сабурова служит и биографическим очерком.

Письма Пушкина и Топли, относящиеся к 50-м годам, показывают жизнь политической ссылки. Кроме того они целиком конкретными указаниями на связи славянофильства с декабристами и на встречи с ними петрашевцами.

Из архива Аксаковых публикуются письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому и письма к Аксаковым И. И. Панаева, И. С. Тургенева и А. К. Толстого.

Вступительные статьи, подготовка к печати и комментарии А. А. Сабурова, Е. Н. Коншиной, В. М. Федотова, С. К. Шамбина и Н. К. Гудзия. Общая редакция И. С. Ежова.

АРХИВ ЕЛАГИНЫХ И АСАКОВЫХ

Библиотекой им. Ленина подготовлены к печати письма из архивов Елагиних и Аксаковых. Этим положением начало разработке семейных архивов крупнейшего из славянофильских гнезд.

Из елагинского архива публикуются переписка декабриста Г. С. Батенькова: его письма к матери и к А. А. Елагину и письма к нему И. И. Пушкину и Петрашу Ф. Э. Г. Топли.

Письма Батенькова, охватывающие годы 1813—1825, рисуют его жизнь как границей, во время похода русской армии на Париж, «сподвижничество» со Сперанским и службу в Сибири, встречи с Аракчеевым, близость к «Петрбургским Парнасом». Большая вступительная статья А. С. Сабурова служит и биографическим очерком.

Письма Пушкина и Топли, относящиеся к 50-м годам, показывают жизнь политической ссылки. Кроме того они целиком конкретными указаниями на связи славянофильства с декабристами и на встречи с ними петрашевцами.

Из архива Аксаковых публикуются письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому и письма к Аксаковым И. И. Панаева, И. С. Тургенева и А. К. Толстого.

Вступительные статьи, подготовка к печати и комментарии А. А. Сабурова, Е. Н. Коншиной, В. М. Федотова, С. К. Шамбина и Н. К. Гудзия. Общая редакция И. С. Ежова.

СЕМЬ МУЗЕИ

Посещение музея им. Достоевского включено в программу изучения русской литературы для средней школы. В течение ноября музей должен пропустить экскурсии учащихся всей Москвы. В связи с этим производятся частичные изменения в экспозиции музея и вновь встает вопрос о недостаточности занимаемого им помещения.

До сих пор одна из комнат квартиры, в которой Достоевский прожил первые 16 лет своей жизни, занята частичными ликами, хотя остальных трех небольших комнат для музея явно недостаточно.

Тем не менее в музее ведутся интересные работы: составлен путеводитель по музею, являющийся одновременно и биографией Достоевского; подготовлена выставка иллюстраций советских мастеров (среди них Пименов, Шор, Рыбченков, Мяльгунов); готов к печати альбом с иллюстрациями Достоевского русскими художниками.

Да будем спорить, так как читатель, вероятно, скроет от нетерпения узнать, откуда взяты эти новейшие сведения о Салтане и Гайдоне.

Свердловский оперный театр издал брошюру режиссера В. А. Лосского о представлении постановки «Сказки о царе Салтане». Оттуда же и взяты три богатыря и их комиссар. Хотя бы «Богема Олегина». Так, на-пример, Татьяна не стесняется разговаривать у Достоевского.

Но отдана бы сердце я. То в высшем суждено совету. То воля неба — я твоя.

Известно, что неба нет. Есть сфера и трофеи. Чья же это воля? Трофеи? А потом в каком это высшем совете рассматривались татарин вопрос? В высшем совете физической культуры? Бауманскою совете? В Москве?

Пусть Татьяна не режет ухо, а поет:

Другой... Нет, никому не свете. Не отдана бы сердце я. В районном суждено совету.

То воля ВЦИКа — я твоя.

Ухо современного зрителя будет сорвано.

А Пушкин? Пушкина как-нибудь благоговорим. Откроем еще два кафе и одну парикмахерскую его имени...

ЕВГ. БЕРМОНТ.

ТО ВОЛЯ НЕБА...

Пушкина надо понимать! Вы берете «Сказку о царе Салтане», раскрываете на первой странице и механически, не вдумываясь, твердите:

Три девицы под окном, Правля поздно вечерком...

Александр Сергеевич написал:

Блещут маковки церквей И святых монастырей.

Оперный режиссер переделал:

Блещут вышки теремов, И диковинных дворцов.

Нельзя сказать, чтобы терем — эдакое, очень согущное нашей эпохи.

РДКСТ в последние времена теремов не строят. Лучше уже прямо написать:

«Блещут вышки метрах и лико-вильных...» А рыбку пусти подберет Пушкин или в крайнем случае Пушкин...

У Пушкина Гайдон говорит матер:

Просим оба разрешенья, Твоего благословенья:

Ты детей благослови.

Жить в совете и любви.

Лосский, жаждя уха зрителя, переделывает:

Просим оба разрешенья,

Твоего благословенья:

Ты детей благослови.

Жить в совете и любви.

Зачем, т. Лосский, вообще эту ста-туху спрашивать? Бывшую парину? Надо, чтобы Гайдон порвал связь со своими родителями, о чём в алтаре Гайдона сообщают публике:

Раньше по либретто лебедь с хо-ромела:

Дай нам, боже, брак счастливый.

Боже да, боже да.

Кроткий края и негневивый,

Боже да, боже да.

Так как у Лосского лебедь — не лебедь, а заведующая отделом работници и русалок, то режиссер вкладывает в ее уста:

День настал для нас счастливый,

Красный день, красный день,

Красный день, красный день.

Дастанько, ярко-красный,

Красный день, красный день.